

Дж. К. Гэлбрейт¹

ТРЕТИЙ КРИЗИС В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Данная тема представляет собой мою сознательную апелляцию к лекции Дж. Робинсон 1971 г. Джоан говорила о двух кризисах в экономической науке. Первый проявился относительно закона Сэя, позиции Минфина США и споров об эффективном спросе. Этот кризис привел к распространению теории Дж. Кейнса на излете Великой депрессии и также повлек за собой новые концепции несовершенной конкуренции и рыночной силы.

В чем заключался второй кризис? Джоан утверждала, что это был кризис изобилия, кризис общественного целеполагания, кризис, связанный с загрязнением окружающей среды, кризис войны, мира и ядерной угрозы. Кризис «нового индустриального государства», согласно ее терминологии.

Джоан осознавала, что второй кризис не приведет к переменам, пока споры не утихнут вокруг первого кризиса - и так и произошло. Вскоре случился интеллектуальный прорыв: появилась теория рациональных ожиданий, смешавшая монетаризм, теорию экономики предложения и культ дерегуляции и приватизации в токсичную политическую субстанцию, названную тэтчеризмом, рейганомикой и позже «Вашингтонским консенсусом», широко экспортируемую в страны «третьего мира». Эти доктрины впоследствии были внесены и в документы Европейского союза, в том числе в Маастрихтский договор и Хартию Европейского Центробанка. Второй кризис растворился в потоке возрождения идей, предшествовавших первому.

В условиях нынешнего великого финансового кризиса мы, кажется, упустили момент, когда Дж. Кейнс мог вернуться и спасти наш мир; в конце концов, даже первый кризис не был разрешен безоговорочным принятием условий Дж. Кейнса. Возрождение его теории было загублено в первую очередь не его противниками, но его самопровозглашенными сторонниками - псевдокейнсианцами, назовем их так.

Смысл их взглядов заключается в ранее озвученной мысли Б. Бернанке: «Экономика восстановится». Никогда не было понятно, почему. Подтверждает ли ее простая историческая экстраполяция (так уже было, так будет и в этот раз) или

---

¹*Джеймс К. Гэлбрейт - доктор, профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона, Техасский университет, член Международного совета журнала «Мир перемен» (США).*

статистический возврат к прежним показателям? Или же объяснением служит некое регулирование рынка труда посредством снижения реальных зарплат? Если так, то ничего подобного: реальные зарплаты резко выросли, в то время как кризис лишь углублялся в 2009 г.

Если восстановление неизбежно, то функции политики сводятся к тому, чтобы ему способствовать. То есть предоставлять *стимул* - тот самый «своевременный, непродолжительный и направленный» удар, необходимый «неповоротливому» животному, каким представляется экономика, пока его естественная энергия не иссякнет. Такая функция стимула была изложена в прогнозе Ромера-Бернштейна в конце 2008 г. Она не направлена на помощь восстановлению экономики или на предотвращение роста безработицы - она направлена на приближение даты *полного восстановления*, того, что в любом случае должно случиться в течение четырех лет с погрешностью в полгода. По прошествии около пяти лет применения этой модели, все должно стать «нормальным», кроме того, что обстоятельства могут оказаться немного *хуже*, благодаря «бремени госдолга». Воистину убудочное кейнсианство.

Все это открыло дорогу взглядам, назовем их *New Crackpottery*, имеющим своей основой новую классическую экономику, однако за вычетом формальной претенциозности. *New Crackpottery*, превознося «возвращение к норме», заключает, что, раз этого не произошло, причиной тому неупорядоченные попытки помощи восстановлению. Таким образом, мы получили ревизионизм Нового курса (*New deal revisionism*), адепты которого полагают, что Ф. Рузвельт жестоко, болезненно и без особой на то необходимости продлил Великую депрессию, часто не отдавая себе отчет в том, что для современников она закончилась в марте 1933 г., а не с началом Второй мировой войны. *New Crackpottery* ставит диагноз и нынешнему финансовому кризису, утверждая, что «во всем виновато правительство», которое пыталось способствовать тому, чтобы бедные становились домовладельцами.

Р. Раджан совсем недавно предложил идею, смысл которой заключается в том, что причиной нынешнего кризиса стало неравенство в условиях соревновательного потребления, практикуемого рабочим классом, которое подогревалось госдолгом. Однако данной идее недостает практических доказательств. Качество жизни среднего класса не улучшилось в условиях роста госдолга, в то же время ипотечные выплаты, принося доход банкирам, способствовали росту неравенства.

Дж. Робинсон затрагивала тему неравенства в своей лекции, упомянув, что перемены лишают собственности и обедняют многих, обогащая лишь малую часть

населения. На неравенство обращали внимание К. Маркс, Д. Риккардо и Дж. Кейнс, но в эпоху нового индустриального государства был достигнут минимальный уровень имущественного неравенства, как в Европе, так и в Северной Америке. Частично это объясняется вызовами «холодной войны» и тем, что некоторое время после краха коммунизма проблема неравенства была не самой актуальной.

И вот пришел третий кризис. Он выражается не только в Великом финансовом кризисе, который постиг нас. Старые дебаты о стимулировании экономики или экономическом аскетизме продолжаются, и теперь это уже не кризис изобилия, как 40 лет назад.

Что такое третий кризис? Назовем его *кризисом ограничений*. Он состоит из проблем, которые присутствовали, но не имели решающего значения во время предыдущих кризисов, но теперь эти проблемы составляют единую матрицу вопросов, требующих изучения и когерентного концептуального подхода. Вот эти проблемы:

во-первых, экономика растущих и непредсказуемых цен на энергоносители и другие ресурсы оказывает влияние на импортеров, а также угрожает инвестиционной привлекательности и перспективам экономического роста экспортеров. С. Бина напоминает, что классическая политэкономия располагает необходимыми инструментами регулирования, нам нужно лишь применять их;

во-вторых, экономика эпохи рационализаторских перемен в технике. С изобретением двигателя внутреннего сгорания исчезла необходимость использовать лошадей в качестве тягловой силы. Но какова бизнес-модель для тех, кто лишился рабочего места из-за внедрения компьютерной техники, средств мгновенной глобальной коммуникации и аутсорсинга? Как быть с университетскими профессорами, работа которых может быть заменена дистанционным обучением? Мы сейчас, возможно, наблюдаем процесс величайшего в истории обесценения высшего образования;

в-третьих, экономика бухгалтерского мошенничества в целом и финансового мошенничества в частности. Системное мошенничество связано с двумя вопросами: как оно появилось и каковы последствия. Причиной можно назвать рост стоимости ресурсов, который привел к снижению «честной прибыли» в текущих условиях, поэтому фирмы стали лоббировать, в частности, меры дерегуляции. Что касается последствий: каждая отрасль современной экономики основывается на доверии. Не существует рынков, где качество и безопасность определяет потребитель, все рынки полагаются на цепь «разработчик -

производитель - дистрибьютор». Институциональные провалы нынешнего кризиса обусловлены крахом надежности и доверия.

Основная причина третьего кризиса заключается в неправильной оценке роли регулирования. Нас учили, что регулирование - это бремя, иногда необходимое, но дорогостоящее, однако в настоящее время основные механизмы регулирования уничтожены.

Последняя проблема третьего кризиса - это изменение климата. Угрозы, связанные с ним, были неизвестны (по крайней мере, экономистам) во время второго кризиса, и сейчас многие экономисты предпочитают не уделять этому большое внимание. Атмосфера может безнаказанно подвергаться негативному изменению в результате человеческой деятельности, по меньшей мере, еще некоторое время.

Что же мы, кейнсианцы и институционалисты, предлагаем делать в условиях кризиса? Мне кажется, для начала есть три вещи.

Во-первых, следует разработать междисциплинарное сотрудничество экономистов и физиков и геофизиков. *Целью этой дискуссии не должно быть заимствование еще одной физической модели абстрактной экономикой.* Задача заключается в том, чтобы информировать экономику о действительной цене ресурсов, инженерных возможностях и геофизических ограничениях. Мы должны услышать голос реалистов, на которых не обращали внимания десятилетиями.

Во-вторых, нам нужно восстановить связи с теми, кто знает и изучает законы. *И целью этой дискуссии не должен быть еще один пустой спор о том, как рынок может заменить правовые системы.* Задача заключается в том, чтобы увидеть, как законы и регулирование заставляют институты работать. Мы *не* знаем, до какой степени глобальная финансовая система использует информацию и вычислительную технику, чтобы контролировать правовую, регулятивную и налоговую систему. Чего мы не знаем, то должны пытаться узнать.

В-третьих, нам нужна новая экономика солидарности, чтобы подчеркнуть роль, которую стабильные источники дохода и социальное страхование играют для тех, кто не считается частью активной рабочей силы: молодежь, их опекуны, инвалиды, больные и старые. До послевоенного культа роста, существовала экономика, направленная на проблемы безопасности, стабилизации и полного использования существующих человеческих ресурсов, и имело место понимание необходимости перераспределения богатства. Прогрессивисты начала XX в. дали нам налог на недвижимость и подоходный налог, а социал-реформисты - пенсии.

Сегодня мы наблюдаем медленное разрушение системы пенсий, медицинского страхования и других социальных программ, неадекватное перераспределение огромных богатств. Страны, не имеющие суверенной валюты, принудительно ввергаются в нищету своими кредиторами - как в Европе, - а страны, которые не контролируют свои валюты, добровольно ввергают в нищету сами себя, повторяя древние ошибки и следуя невнятной повестке дня.

Я полагаю, что новый/старый способ решить эти великие проблемы заключается не в возвращении на легкую дорогу неограниченного роста. Путь вперед заключается в том, чтобы найти способ работать в рамках существующих ограничений, использовать человеческий потенциал, создать хорошо организованные институты и сохранять наши природные ресурсы и планету в лучшем, насколько это возможно, состоянии.

Мир перемен. 2013 № 1. С.24-28